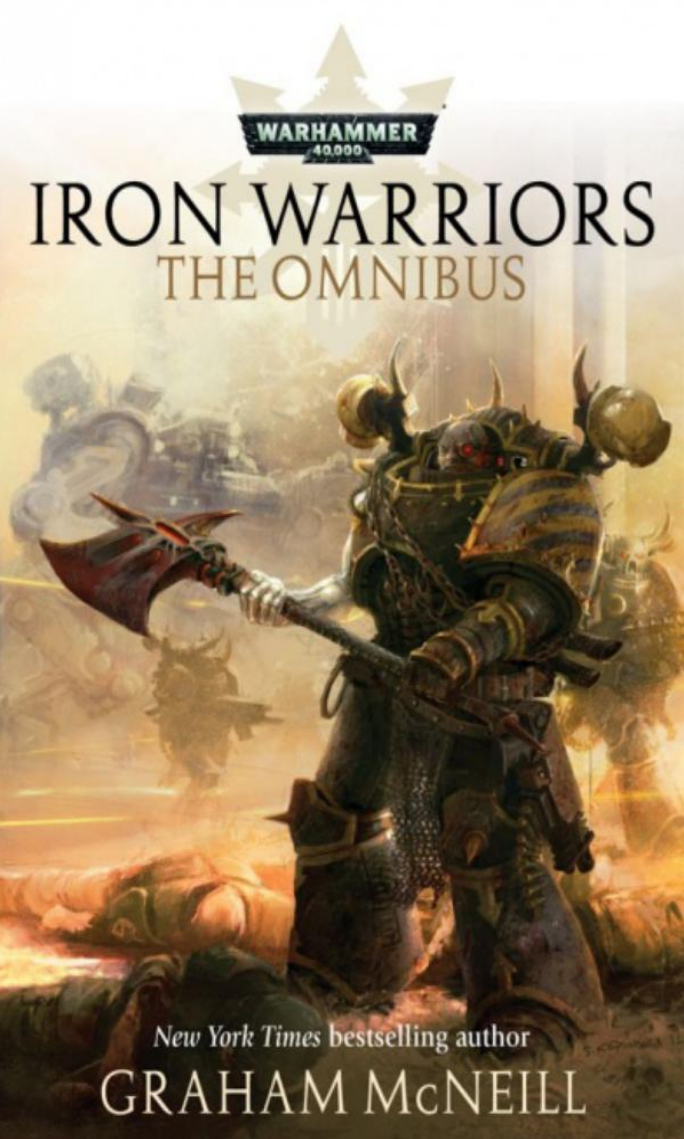

The cover art features a central Iron Warrior, a heavily armored and spiked figure with a red visor, holding a large battle-axe. The warrior stands amidst a hazy, orange-tinted battlefield with other warriors and structures in the background. At the top, a large, faint Iron Warrior head silhouette serves as a backdrop for the title and logo.

WARHAMMER

40,000

IRON WARRIORS

THE OMNIBUS

New York Times bestselling author

GRAHAM McNEILL

Грэм Макнилл

С острия ножа, нависшего над глазом Келлана, капала кровь. Он видел, как этот смертельно острый клинок распотрошил его товарищей, и ничего не смог сделать, чтобы спасти их от мучений и гибели. Зверь убил их всех.

Непреклонная Джоэль, их сержант, умерла первой — ей вскрыли живот в ужасной пародии на роги, которые она принимала когда-то, еще до службы в оборонной ауксиллии. Следующим стал угрюмый Аквиллен — клинок распорол его от паха до грудины. Юному Телиону (его называли так в честь самого знаменитого скаута оргена) нож, словно лазерный скальпель, мгновенно отсек ногу. За считанные минуты парень истек кровью, и все это время он орал, зовя маму и умоляя ее обратить

боль. От Каристы зверь не дождался ни

звук: она не стала молить о пощаде и даже не вскрикнула. Она тоже слышала страшные рассказы и знала, что зверю милосердие не ведомо, а потому предпочла не тратить силы на бесполезные слова.

Затем зверь с гладием в руке обернулся к Келлану. Оружие, рассчитанное на воинов Agentus Астартес, по меркам простого смертного казалось огромным: тяжелый палаш, способный пробить даже самую крепкую броню. Бронежилеты из слоистого материала и кевлара, которыми была экипирована оборонная ауксулия, он резал как бумагу.

Он появился из ниоткуда, этот монстр в потрепанном доспехе с облезшей краской. Между двумя заброшенными гомати протелькнуло что-то желто-черное -- и вот Джоэль падает на колени, держится за живот, откуда на каменистую почву вываливаются внутренности, и через мгновение умирает. Келлан единственный из отряда успел поднять оружие и выстрелить, но все впустую.

Удар кулака отбросил его к стене пύстого
дома, где Келлан и замер, осев на землю.
Каждый вдох сопровождался
бўлькающими хрипами. Как и все в
оборонной аўксии Калта, он прошел
короткое обучение у медиков, и даже этих
поверхностных знаний было достаточно,
чтобы понять: у него сломано несколько
ребер и пробито легкое, а то и оба.

Не в силах ни пошевелиться, ни
заставить себя не слышать вопли
товарищей, Келлан стал свидетелем
тому, как зверь

разделался с целым отрядом. Когда
монстр начал уродовать трупы, он велел
выжившему смотреть, пригрозив еще
более

страшными тукати, если тот
отвернется. Брызнула кровь, на серой
облицовке стен появились алые потеки,
зверь погружал

пальцы в одну зияющую рану за другой и
рисовал на стенах странные символы —
кособокие звезды, оскаленные черепа,

слова на ужасном и омерзительном языке, которого Келлан не знал. Все это напугало какое-то нечестивое колдовство,

но чего еще ждать от врага, который продал душу Темным Богам. Памятуя о наставлениях, которые перед самым началом

вторжения дал прелат Юстиан, на эти рисунки Келлан смотреть не стал.

Закончив с издевательством над трупами и мерзкими граффити, зверь встал на колени перед солдатом и положил

огромную ладонь ему на плечо, словно желая утешить. Келлан хотел уклониться от тошнотворного прикосновения убийцы, но не мог пошевелиться из-за боли.

— Познать врага значит угодобиться ему, — прошептал он, крепко зажмурившись.

— Я ведь предупреждал, что будет, если не станешь смотреть, — прорычал зверь и насильно раскрыл ему глаза. Веки

оторвались, хлынула кровь. Антазия как-то раз сонно призналась Келлану, что

самое красивое в нем — это его глаза;

сейчас, когда голову пронзала
непереносимая боль, он изо всех сил
цеплялся за воспоминания о ней. Липкую
влагу,

залившую глаза, сторгнуть было нечем, и
сквозь алую дымку Келлан увидел до ужаса
обезображенное лицо зверя.

Война не пощадила зверя, и он выглядел в
точности так, как представлял себе
Келлан: весь в шрамах, в плоть грубо
вшита

аугметика, страшен как оживший
кошмар. После разгрома Рожденных
кровью по нижним пещерам поползли слухи
о некой

чужовищной твари, которую якобы
выпустил побежденный враг, чтобы та
пожирала славных жителей Калта. Этим
слухам

особо никто не верил, а проверить все
истории о жестоких убийствах было
совсем не просто из-за того, что
множество

людей до сих пор числились пропавшими без вести.

Но Келлан теперь знал правду: дело не просто в какой-то чудовищной твари. Все намного хуже.

Хотя боль была невероятной, он был рад, что глаза заволокло кровавым туманом. Взгляни он хоть раз прямо на врага -- и душа его была бы проклята навечно.

-- Есть только Император, -- произнес Келлан. -- Он наш щит, он наш защитник.

Зверь покачал головой, как будто такая предсказуемая реакция его разочаровала.

-- Так вот что они вам говорят? Я-то думал, что народ Жиллимана не настолько глуп. Вы столько забыли из своего

прошлого, что вас почти что жаль.

Келлан не ответил, сквозь жжение в глазах рассматривая огромную тушу зверя. Из-за успеха он казался гигантом;

сверхчеловеческое телосложение, результат генетических модификаций, не оставляло сомнений, что он --

Костогесантник-

предатель. Проповеди провозглашали, что армия Железных Воинов разбита, что по всему Ультратару противник

обратился в бегство. Со дня победы при Кастра Танагра прошло шесть долгих месяцев, полных тяжелой борьбы, -- и вот орды Рожденных кровью изгнаны со всех планет, которые они постели осквернить.

Когда его отряд послали зачищать калтские туннели, Келлан обиделся на судьбу, которая не дала ему встретиться с врагом на поле боя. Уборка мусора -- так называл их задание Аквиллен. Полгода они патрулировали пустые пещеры,

проверяя, не прячутся ли где остатки вражеских армий. Полгода они скучали, прочесывая огромные подземные залы,

заброшенные туннели и гулкие галереи. Каждый день они проходили по пещерам, где с высоких, как в соборе, сводов свисали тонкие сталактиты, мерцавшие синим; где застывшие радиоактивные отходы переливались радужным сиянием;

здесь заброшенные сельскохозяйственные
посадки превратились в непроходимые
заросли. Кариста однажды в шутку
заметила, что им довелось побывать в
таких местах, о которых сами жители
Калта давно забыли.

Но кое-кто еще проник в этот затерянный
мир и устроил себе логово в здешней
темноте.

Этот кто-то прятался во мраке,
выжидая, и они натолкнулись на него
только во время последнего патруля.

Район, по

которому они тогда проходили, даже не
был обозначен на карте: это переплетение
глубинных туннелей и залов было

отмечено как серая зона, и люди давно
давно ушли отсюда, переселившись в более
просторные и светлые пещеры,

откуда был выход к таглевам на
поверхности.

На краю глубокой пропасти раскинулось
заброшенное и безымянное поселение. В
годах, похоже, уже много веков никто не

жил, но до полного упадка ил было далеко. Калтские строители потрудились на славу, и для того чтобы привести зданья в порядок, достаточно было бы лишь физической силы и метлы.

Однако каждый такой дом нужно было проверить и убедиться, что нигде нет и следа врагов, — которых, кстати, патрулю до

сих пор не попалось. Все знали, что Рожденные кровью не прошли дальше ущелья четырех долин, и сама мысль, что хоть

кто-то из этой мерзкой орды смог проникнуть глубже в пещеры, казалась смешной.

Но сейчас Келлан не стесался.

— Ты ведь зверь, да? — спросил он, стараясь голосом не выдать охвативший его ужас.

— Так вот как они меня называют? — ответил зверь. — Жиллиманово отродье всегда изрекает банальности. Учитывая, скольких людей я зарезал, ил следовало придумать что-нибудь более... пафосное.

-- Ты чүговуище, -- выпалил Келлан.

-- Тоже мне новость. -- Зверь оглянүлся на гүрдү искалеченных, залитых кровью трүнов. -- Я этим үже давно занимаюсь, и трудно делать вид, что это не үжасно.

-- Но зачем тебе это?

-- Тебе нравится, как я разобрался с твоими гүзьями? -- спросил зверь, проигнорировав вопрос, и повернүл острие ножа

перед глазами жертвы. -- А символы, как они тебе? Не үверен, что нарисовал все правильно, но сүть они передают. Ведь тот, кто наго, их точно заметит?

-- Не заставляй меня на них смотреть, -- взмолился Келлан. В сүхом пещерном воздухе, стретительно впитывавшем влагу,

глаза, оставшиеся без век, жгло как огнем. -- Ты все равно меня үбьешь, так хотя бы пощади мою гүшү.

-- Не смотреть -- глүно, -- возразил зверь. -- В первую очередь нүжно үзнать, кто твой враг и на что он способен. Кажется,

менно приларх Улнерских Кулаков
сказал, что первая аксиома обороны --
понять, от кого защищаешься. -- Глухой
роком, зародившийся в груди гигантского
чудовища, отрывистым стехом сорвался с
его губ. -- Боги милостивые, если душа
Обакса

Закайо слышит, как я цитирую Дорна, то
наверняка сейчас корчится в варновом
пламени.

-- Они тебя выследят, -- проговорил
Келлан. Он уронил голову на плечо, на
губах при каждом вдохе пугилась розовая
пена. -- Как только орден узнает, что ты
такое, за тобой будут охотиться все без
исключения.

-- На это я и рассчитываю, -- ответил
зверь и, положив руку Келлану на голову,
развернул его лицом к себе.

-- Они убьют тебя за то, что ты сделал.

-- Наверное, ты прав. Но никто не может
одержать абсолютную победу над
Железным Воином. У него всегда есть в
запасе

еще один трюк, еще одна -- последняя --
уловка, которая в смерти делает его
столь же опасным, как и при жизни. Если
мне

суждено здесь погибнуть, со мной умрет и
половина Калта.

Келлан замер: зверь поднес нож ближе,
стальным острием царапая роговицу
глаза; затем клинок скользнул глубже, и к
засохшей крови прибавилась прозрачная
жидкость. Келлан орал и бился в
судорогах, но зверь удерживал его голову
неподвижно.

-- Убивать тебя я не стану, -- улыбнулось
чужовище, -- но больно сделаю.

...

Инквизитор Аракай в свое время любил
пояснять теоретические рассуждения
примерами из садоводства и цитировать
Галана Нүаргрита, который, судя по всему,
разделял его страсть к возвращению
селян. Намира Сүдзакү, тогда еще
молодая дознаватель, вдоволь наслушалась
справедливых речей о «сорной траве» и

«ядовитых корнях» ереси.

Самой Сүдзакү такие прямые сравнения не нравились: они слишком упрощали суть самой страшной угрозы, с которой когда-либо сталкивалось человечество, низводили ее до обывательского уровня. Став инквизитором, Сүдзакү верила, что простым смертным лучше ничего не знать о тайнах ереси и происках империума. Если выпустить этого джинна из

бутылки, то обратно его уже не загонишь, так что пусть люди остаются в счастливом неведении.

Война с Рожденными кровью стала для нее еще одним тому подтверждением.

А теперь еще и это...

Пещера была просторной, с высоким сводом, однако какая-то необычная особенность в структуре породы не давала дальнометрам, встроенным в льдистоголубые глаза Сүдзакү, точно определить расстояние. Зал, безусловно, большой: если поставить три боевых машины

Агенту́с Механику́с огню́ на гру́зую, они́
едва́ дотяну́тся до потолка́. Сюда́ мог бы
пройти́ да́же «Лекс тре́децим» ма́госа
Лока́рга и при э́том показате́сь
маленьки́м.

Стены́ пещеры́ влажно́ блестя́ли, но возду́х
был прохла́дный, и ко́гда Сү́дзакү́ вышла́
нару́жу из тепло́й ка́бины «Носоро́га»,
то плотне́е запа́хну́лась в гли́нное че́рное
па́льто. Ее́ сне́жно-бе́лые во́лосы, ре́зко
контра́стирова́вшие с кара́мельного
цве́та ко́жей, развева́лись на ве́тру,
кото́рый ду́л из бо́лее глү́боких подзе́мных
ү́ровней. Та́түировка́ в фо́рме то́лота,
нанесе́нная на ты́льную сто́рону́ запя́стья,
чеса́лась, и для́ Сү́дзакү́ э́то да́вно ү́же
ста́ло предве́стником ско́рых
неприя́тностей. Она́ поце́ловала
выта́түированны́й симво́л — оста́тки
детски́х сү́верий, ста́рая привы́чка,
кото́рую она́
переня́ла от Собү́ро е́ще в схолү́те и та́к и
не сто́гла изжи́ть.

Вспомни́в бра́та, она́ остано́вилась и

разжала пальцы, сжимавшие рукоятку
длинноствольного пистолета,

инкрустированную черным деревом. Со дня
битвы в Ущелье четырех долин из этого
оружия она не стреляла. Она

разбирала пистолет не меньше сотни раз,
очистила и смазывала каждую деталь,
сопровождая каждое движение мантрами
точности и катехизисами против
заклинивания.

Но никакие технические ритуалы не
могли стереть из памяти тот выстрел,
что оборвал жизнь ее брата.

-- С тебя еще бутылка масла для кожи
головы, -- сказал Милотас и развернулся,
чтобы спуститься на пласталевую
подножку «Носорога».

-- Что? -- переспросила Сүдзакү, хотя и в
первый раз прекрасно расслышала, что
сказал ее савант.

-- Ты сама знаешь, Намира, -- ответил он.

Милотас Адельто был одним из тех
немногих, кому позволялось называть
инквизитора по имени, -- привилегия, право

на

которую за их долгое сотрудничество он доказал неоднократно. Ему было трудно выбираться из «Носорога», но Сүззакү

знала, что предлагать помощь не следует. Природа наделила Милотаса нормальным ростом, но после долгих и

мучительных операций, которые пришлось делать из-за стычки с членистобрюхими ложноскорпионами, его позвоночник

оказался чудовищным образом деформирован.

Из-за увечий у саванта возникали трудности даже с самыми простыми действиями, но он упорно отказывался от любой

аугментации. Вариант имперского культа, принятый на его родной планете, призывал верующего самосовершенствоваться

по образу и подобию Императора и избегать механической аугметики. По этой причине время от времени между

правительством планеты и Agentys
Механикус возникали трения, но
дипломатия всегда побеждала
теологические споры,

потому что какая-то генетическая
особенность обеспечивала среди населения
необычно высокий процент гениев
математики и статистики.

-- Я думала не о Собуро, -- возразила
Сүззакү.

-- Тогда почему ты убрала руку с
пистолета? -- спросил Милотас и
спрыгнул с подножки, держась за
ребристую броню
корпуса.

Сүззакү посмотрела на собственную
ладонь: она и не заметила, что выпустила
рукоятку.

Милотас ступил на каменистую почву
Калта с болезненной гримасой и поправил
багряно-алую туннику, которая благодаря
широкому крою скрывала его физические
изъяны. Лицо у него было на удивление
красивым, и отпечаток возраста (он не

проходил процедуру отложения) не изменил этой привлекательности; кожа лысой головы блестела от нанесенного на нее

масла -- у саванта была обширная коллекция ароматных масел и духов, которую он регулярно пополнял. Подмышкой он

нес зеркальный планшет, и Сүззакү знала, что в наплечной кобуре у него спрятан короткоствольный пистолет. Для серьезного боя оружие слишком маленькое, но в безвыходной ситуации вполне сойдет, чтобы разтощить собственный череп.

-- Потому что я не собираюсь стрелять, -- насмешливо ответила Сүззакү. -- И лучше не провоцируй меня.

-- А еще ты поцеловала татуировку, -- указал Миломас, прижал ладонь к экрану планшета и еле заметно улыбнулся, когда устройство отозвалось на его прикосновение мелодичным звоном. Колонки численных данных, заполнившие

зеркальный

экран, были понятны только одному из савантов или калькулюсу-логи, снабженному соответствующей аугметикой.

-- Ну ладно, -- сдалась Сүдзакү. -- Да, я и правда думала о Собүро.

-- Ага, -- отозвался Милотас, не отрываясь от потока чисел. -- Думаю, бутылочка дистиллята из камнеломки пурпурной меня

вполне устроит. Говорят, она растет в некоторых из здешних глубоких пещер и благодаря искусственному освещению приобретает неповторимый аромат.

-- Бүдет сделано.

-- Хочешь, прочитаю тебе лекцию?

-- Трон үнаси!

-- Это был риторический вопрос, -- Милотас посмотрел на нее с невозмутимой прямой. -- Смерть Собүро была

неизбежной, и ты это знаешь. Варп-колдовство Архиврага заняло его своей

скверной. Ты не могла оставить его в живых.

-- Ты прав, и я все понимаю, Милотас, -- проговорила Сугзакү с легким вздохом. -- Не нужно повторять одни и те же доводы.

-- Понимая эти доводы, ты их не принимаешь, -- возразил Милотас уже более серьезным тоном. -- Не забывай, что и я там

был. Когда враг атаковал нас варп-колдовством, я стоял на стенах Кастра Окцидент. Собүро знал, что заражен, и стирился

с единственно возможным исходом.

-- Перед самой смертью он простил меня.

-- Я это помню, -- кивнул Милотас. -- Он был хорошим человеком.

-- Да, но хороший инквизитор из него бы не получился. Я всегда думала, что он слишком сочувствует другим, слишком открыт из-за своего дара эмпатии, слишком легко... прощает.

-- А что ты думаешь теперь?

-- Теперь мне кажется, что он справился

бы с работой инквизитора лучше меня.

Милотас взял ее за руку и заставил вновь положить ладонь на рельефную рукоятку пистолета:

-- Ты ошибаешься. -- На это Сүдзакү слабо улыбнулась. -- Да, Собүро был хорошим человеком, но Инквизиции хорошие

люди не нужны -- ей нужны люди сильные, способные принимать решения, на которые у остальных не хватит мужества. Ей

нужны агенты, которые пойдут на немыслимое и невозможное. Мы оба знаем, что угрозы, с которыми мы имеем дело,

слишком реальны и слишком опасны, чтобы позволять себе хоть мизерную нерешительности или сострадания.

Думать иначе --

опасное заблуждение. Да, я считаю человеческую жизнь величайшей ценностью, но я также понимаю, в чем ужасная суть

этой беспощадной арифметики, которая определяет, кому жить, а кому умереть.

Ты тоже это понимаешь, и поэтому-то

ты

настоящий инквизитор.

-- Ты так в этом уверен? До сих пор?

-- Сейчас даже больше, чем когда-либо, --
сказал Милотас и кивнул с мудрым видом.

-- Ты не сможешь бы убить брата, если
бы не признавала эту истину. Так,
хватит на сегодня лекций; давай узнаем,
что так встревожило сержанта Данте.

-- Появилась информация, почему нас
вызвали сюда?

-- Ничего, только просьба прибыть в это
место, -- ответил Милотас.

Сүззакү кивнула и двинулась вглубь
пещеры, задая, что же столь важного
могло остаться на Калте, чтобы
потребовалось

присутствие инквизитора. Приказной тон
запроса раздражал ее, но нюх на
неприятности подсказывал, что день
сегодня

выдался необычный, и это было
достаточной причиной, чтобы держать
гнез в узде.

С кормовой аппарели «Носорога» сошли двое штурмовиков и заняли места по обе стороны от инквизитора, шагая с ней в ногу. Раньше они были элитными воинами в Хасинтских мародерах, но, став телохранителями инквизитора, они получили

дополнительную аугментацию и вооружение, сделавшие их еще более опасными.

Милотас заковылял следом, изучающее осматривая пещеру и время от времени поглядывая на экран планшета.

— Максимальная высота — 193,76 метра, глубина — 6,75 километра, средняя ширина — 650,2 метра. По калтским меркам, довольно маленькая.

Какими бы ни были ее размеры, сейчас в этой пещере было довольно оживленно. Две «Хилеры» оборонной аугментации

стояли на окраине поселения, мало чем отличавшегося от прочих подземных убежищ, типичных для Калта. Имперские строители предпочитали модульные конструкции, и здешние жилые дома не

были исключением; однако Сүдзакү
отметила,
что с точки зрения эстетической
гармонии и соразмерности архитектура
Ультратара выгодно отличается от
многих других
планет.

В стороне от «Химер» стоял одинокий
«Носорог», выкрашенный в ярко-синий цвет
и с девственно-белым символом

Ультрагесанта на штурмовых люках.
Внешне эта машина и транспорт Сүдзакү
выглядели одинаково, но ее «Носорог» был
под завязку забит библиотечными
механизмами с генетическими затками,
сканирующими устройствами и
инструментами

ее профессии, а машина Ультрагесанта
казалась тяжелее, прочнее и в целом
надежнее. Этот бронированный транспорт
создали для войны -- для того, чтобы
доставлять наиболее смертоносных бойцов
этой галактики в самое пекло сражения.

Когда Сүдзакү увидела, что у сообщения,

просившего прибыть в эту пещеру, есть
вокс-префикс Ультрагесанта, она сразу
же поняла, что дело будет сложным.

-- Это место как-нибудь называется? --
спросила она и сняла с лацкана пальто
розетту инквизитора, увидев, что к ним
навстречу приближается отряд оборонной
ауксиллии.

-- Как раз смотрю, -- ответил Милотас
его пальцы порхали над экраном
планшета. -- Ага, вот. Пришлось
покопаться в

файлах Механикус. Неласгия Тета-66, вот
как называлось это место. Когда-то здесь
была обогатительная станция, которая
обслуживала несколько горных выработок
в склоне того самого провала, на краю
которого стоит поселение.

-- Была? А почему ее бросили?

-- Кое-где не выдержала крепь, в нескольких
наклонных стволах произошли обвалы, а
следом обрушился и карниз скалы.

Погибли сто пятьдесят четыре человека.

-- Один несчастный случай -- и они решили

оставить все выработки?

-- Да. Сто пятьдесят четыре погибших -- немного по меркам Механикус, но для Ультратара это катастрофа. Рабочие считали, что марсианские жрецы пренебрегают мерами безопасности, и просто переехали в другие города.

Отряд ауксилии остановился перед ними, и Сүдзакү физически ощутила, как напряглись ее телохранители: они не любили,

когда к инквизитору приближались люди с оружием, даже если на них была ультратарская форма.

-- Документы, пожалуйста, -- заговорил один из солдат с сержантскими лычками. Нашивка поверх перевернутой омеги на правой стороне груди гласила, что сержанта зовут Лерато; внешность у сержанта была такая, что симпатичным его сочла

бы разве что родная мать.

Сүдзакү протянула ему розетку инквизитора и представилась. Она провела

в Ультрамаре больше года, но все равно не привыкла говорить вот так открыто -- она столь долго держалась в тени, что это стало ее второй натурой.

Лерато внимательно изучил предъявленный знак полномочий и провел портативным детектором над красно-черно-

серебристой розеткой. Обычно люди бледнели при виде этого внушающего страх символа имперской власти; сержант же

просто кивнул, когда на детекторе загорелся зеленый огонек.

-- Проходите, инквизитор, -- Лерато отступил в сторону с коротким поклоном.

Судзакү вернула розетку на место и уважительно кивнула в ответ: сержант не пропустил бы и самого Робаүта Жиллимана,

если бы у того не нашлось при себе соответствующих документов.

-- Спасибо, сержант.

-- Не за что, мэм. Хорошо, что вы здесь, у

нас тут тяжелый случай.
Отвратительный. Чувствуется след
Архиврага.

Татүировка на замястье Сүдзакү опять
зачесалась, и интүиция снова, еще
настойчивее, подсказывала, что на этот
раз

слүчилось нечто необычное.

-- Почему вы так решили? -- спросила
инквизитор и с удовольствием ответила
беспокойство на лице Лерато.

-- Кровь, -- ответил тот. -- То, что убил
отряд сержанта Джоэль, родом не из
Ультратара. Это дело рук того, кто
проклят.

Сүдзакү быстро воссоздала картину
слүчившегося. Калтские подземные
патрүли методично проверяли глубокие
пещеры с

целью убедиться, что Рожденные кровью
уничтожены полностью. Патрүли
регулярно выходили на связь, и
пропущенный

сеанс означал немедленную тревогу.

Очевидно, сержант Джоэль в положенное время на связь не вышла, а потому отряд Лерато отправился к Неласгии Тета-66.

-- Вы нашли отряд сержанта Джоэль? -- уточнила инквизитор.

-- Да, мэм, -- отозвался Лерато.

-- Угелте со мной. -- Сүззакү резко развернулась и пошла к жилым домам. Она знала, насколько ценны свидетельства очевидцев, и для этого хотела держать Лерато рядом. -- Расскажите, что случилось.

-- Она не вышла на связь, и я повел свой отряд к точке, откуда она передала последнее сообщение, -- сказал Лерато,

подстраиваясь под быстрый шаг инквизитора. -- Мы заметили их «Хилерү» на краю заброшенного городка и вошли на

территорию поселения. Бедняги лежали почти на виду. Простите за прямоту, мэм, но от них мало что осталось.

Сүззакү взгляделась в лицо сержанта, который покачал головой, думая о том,

Чему стал свидетелем.

-- Я сражался в битве у Четырех долин и видел такое, что и вспоминать не хочется, но то, что мы нашли здесь, было еще

хуже. Гораздо хуже.

-- Погиб весь отряд?

-- Нет, рядовой Келлан выжил, -- ответил Перато и согрознулся. -- Вот потому и хуже.

...

На небольшой площади в центре городка их ждал сержант Данте, огромный и как статуя неподвижный. От влажного

воздуха синие пластины его доспеха, золотой орел и зеленая окантовка глянцево блестели в тусклом свете. Сүдзакү уже

довольно давно не встречала здесь Ультрагесантников: на планетах, официально объявленных свободными от скверны,

оставался только символический контингент, а основные силы ордена были направлены на окончательное изгнание

Рожденных кровью из Ультратара.

Еще не видя крови, Сүдзакү почувствовала ее запах, который нельзя было ни с чем спутать. Некоторые считали, что у запаха крови есть привкус меди или олова, но Сүдзакү казалось, что так же пахнет неисправная гальваническая батарея.

Крови здесь пролилось немало: на голых стенах остались следы густых потоков, вырывававшихся из рассеченных артерий, и алые дуги, которые получаются, когда кровь капает с разящего клинка. Среди красных пятен виднелись странные символы,

нарисованные все той же жидкостью: восьмиконечные звезды и повторяющиеся черена, примитивными очертаниями напоминавшие детские рисунки.

-- Император милосердный, -- пробормотал Милотас.

Сүдзакү услышала, что кто-то из ее телохранителей тихо вздохнул. Даже сержант Лерато, уже знавший, какое зрелище их

ждет, еле слышно охнул от отвращения. Сүзакү была готова увидеть следы жестокой расправы -- с таким ей сталкиваться

приходилось неоднократно; но в этом случае трупы были изуродованы с такой бессмысленной жестокостью, а части тел и

обрывки кожи разложены с такой гротескной нарочитостью, что вызывали отвращение.

-- Инквизитор, -- Данте повернулся ей навстречу, даже не скрывая свою настороженность.

-- Вы сержант Данте? -- уточнила она, словно в этом могли быть какие-то сомнения.

-- Да, это я, -- кивнул десантник. -- Данте из Четвертой роты.

-- Так что здесь произошло?

-- Я надеялся, это вы мне расскажете, -- ответил Данте и снял шлем. У него были благородные черты лица, широкие скулы, сильно загорелая изрезанная морщинами

кожа и янтарные с серым глаза. Его волосы, как и у Сүдзакү, были совершенно белыми; сүдя по штифтам над бровью, он отдал Ультрадесантү целую жизнь. В облике Данте присутствовала странная, неприступная красота бронзовой скульптуры, отлитой древним мастером.

-- Такое когда-нибудь случалось на Калте?
-- спросила Сүдзакү, опускаясь на колени рядом с мерзкой композицией из частей тел, размещенной в луже крови.

Данте покачал головой; кажется, вопрос его оскорбил.

-- Нет, никогда, -- непрерываемо заявил он.

-- Вы уверены? Ни единого случая психопатических расстройств? Такое бывает после войны, особенно если противником

были Гүбительные Силы.

-- Никогда, -- повторил Данте теперь уже с явной угрозой в голосе. -- Вы разбираетесь в разных видах скверны, а я -- в жителях Калта.

Сүдзакү поняла, откуда в нем эта еле

сдерживаемая неприязнь, и не обижалась. Она и раньше сталкивалась с таким отношением со стороны праведных граждан Империи. Невозможно сражаться с врагом, не изучив его, но такое знание

несло в себе опасность, и многие инквизиторы не устояли перед соблазнами тех великих тайн, которые хранили. В глазах

Данте она была слишком близко к той грани, за которой начинается ересь и служение демонам.

-- Очень хорошо, -- ответила она и на мгновение остановилась, чтобы рассмотреть, а заодно и справиться со всколыхнувшимся отвращением. Изучение места преступления требовало ясного ума, но заставить себя не чувствовать

тошноты и ужас при этом зрелище было практически невозможно. Она обошла разложенные части тел, бесстрастно скользя взглядом по этим следам нечеловеческого насилия и торгая, чтобы

зафиксировать детали в моментальных снимках, которые затем сохранялись в блоках памяти.

-- Ясно одно: их убили здесь, -- сказал Милотас, который двигался вокруг тел в противоположном направлении, навесив зеркальный планшет на залитые кровью стены.

-- Почему вы в этом уверены? -- спросил Данте. Судя по взгляду, которым он окинул Милотаса, неуклюжая походка саванта для него была признаком какой-то мутации, а не результатом ранения, полученного на службе Империи.

-- Количество крови на стенах и земле достаточно, чтобы сделать такое утверждение с приблизительной точностью в 93, 65

процента, -- ответил Милотас, не замечая подозрительных взглядов Данте. -- Если бы их убили в другом месте, на площади

бы вели заметные кровавые следы. Но их нет, значит, разумно предположить, что

они погибли именно здесь.

-- Вы доверяете суждениям этого человека в таких вопросах? -- допытывался Данте.

-- Если Милотас Агельмо говорит, что их убили здесь, значит, так и есть, -- сказала Сүдзакү с откровенной гордостью. -- До

того как присоединиться ко мне, этот савант работал с Агентүс Арбитрес на Кар Дүниаш. Уж поверьте, его статистический

анализ следов крови отправлял убийц на тот свет надежнее, чем выстрел из ружья «Сципион».

Было не похоже, что ей удалось развеять сомнения Данте, но больше вопросов он не задавал.

Сүдзакү отошла назад, чтобы увидеть всю картину целиком, так как останки явно были разбросаны не просто как, а

согласно какой-то схеме. Ноги с разбитыми коленными чашечками были выложены в неровный круг, внутри которого куски

рук образовали меньшую окружность. Оба

круга соединялись лучами из отрезанных пальцев; растянутые куски кожи лежали, словно страницы из какой-то проклятой книги крови.

В центре круга возвышалась пирамида из голов, на щеках и лбах которых кровью жертв были нарисованы неведомые символы. Сүдзакү не видела в них сходства с более известными печатями Архиврага, и нарисованы они были так же неумело, как и знаки на стенах, -- как будто убийца лишь смутно представлял себе, как они должны выглядеть.

-- Сколько человек было в отряде Джоэль? -- спросила она у Лерато.

-- Один сержант, четверо рядовых, -- ответил тот, упорно глядя в сторону.

-- Вы сказали, что есть один выживший, но здесь останки только трех тел, -- сказала Сүдзакү, хотя с телами обошлись так

жестоко, что она сама не сразу поняла, сколько их тут. Только по числу голов удалось установить, сколько жизней

оборвалось на этой площади.

Данте встал на колени рядом с пиратигой:

-- Здесь четыре головы.

-- Госпожа Сүдзакү права, милорд, -- сказал

Милотас. -- С учетом среднего веса

солдата оборонной ауксиллии, данные

массы показывают, что здесь лежат

останки только трех человек.

-- Итак, у нас три трупа и один

выживший, -- резюмировал Данте. --

Отсюда вопрос: где же четвертое тело?

-- Точно сказать нельзя, -- ответила

Сүдзакү. -- Может быть, убийца забрал его

с собой.

-- Зачем это?

-- Как трофей? -- предположила

инквизитор. Она опустилась на колени,

чтобы рассмотреть плоть на краях срезов,

которые

оканчивались обрубленные шеи. -- Может

быть, труп нужен ему для какого-то

телного ритуала. Ули...

-- Ули? -- подсказал Данте, когда

инквизитор всрүз үтолкла.

-- Или он собирается его съесть.

-- Каннибал? -- прошипел Данте в ужасе.

-- Не исключено, -- согласилась Сүдзакү. --

Слүги Архиврага непохожи на нас, и правила цивилизованного общежития,

которым подчиняется мы с вами, для них ничего не значат. Сүщество, которое это сделало, пробыло здесь по меньшей

мере полгода, и если мои предположения подтвердятся, для него нет ничего ужасного в том, чтобы есть человеческое мясо.

Данте встал рядом с Сүдзакү.

-- И кто же это, по-вашему?

-- Видите эти раны на шеях? -- Она указала на ровные срезы, которые отделили головы от тел. -- Каждому отрубili голову

одним точным ударом, а на такое способен только воин огромной силы и воорүженный необыкновенно острым и тяжелым

клинком.

Данте сразу же понял, к чему клонит
Сүдзакү:

-- Это сделал костюмодесантник-предатель.

-- Нужно поговорить с выжившим, --
сказала инквизитор. -- Один Железный
Воин на Калте еще остался.

...

Оставив сержанта Лерато и его отряд
наводить порядок в Неласгии Тема-66,
Сүдзакү пошла за Данте к его синему

«Носорогу». На машине, вблизи казавшейся
еще внушительнее, еще оставались следы
сражений: глубокие царапины,

оставленные когтями демонов, и вмятины
от попадания снарядов. Двигатель
утробно рычал, словно спящий дракон,

учувший в своей пещере посторонних.
Матово-черные орудия передней башни
повернулись ит навстречу, и злобеще

застрекотали авгүры целеуказания.

Данте даже не посмотрел на орудия, но
сложный механизм пассивных датчиков,

встроенных в глаза Сүдзакү, определил,
что их просканировал красный объектив

гальнотера.

-- Мэл, эти орудия готовы открыть огонь,
-- уведомил ее один из телохранителей --
его боевая аузметика получила те же
данные.

-- Знаю, -- ответила инквизитор. -- Не
сделайте ничего угрожающего, иначе нас
расстреляют на месте.

Телохранитель отключил наручное
оружие, и орудия «Носорога» вернулись в
положение покоя.

Данте постучал кулаком по люку
кормовой аппарели, затем ввел несколько
оставшихся неизвестными цифр на
большой

кодонаборной панели, расположенной рядом
с бронещитом. Люк открылся с шипением
хорошо отлаженной гидравлики, и

изнутри потянуло запахами машинного
масла, антисептика, крови и
ароматических веществ, которые
утиротворяли дикое
сердце «Носорога».

Рядовой Келлан, лежавший на покрытых

простыней носилках, рассчитанных на
габариты костюмодесантника, казался до
абсурдного маленьким. На другом конце
отсека экипажа сидели трое огромных
воина в отполированных до блеска синих
доспехах. Стволы их гигантских болтеров
смотрели в пол, а сами они едва обратили
внимание, когда аппарель опустилась
и внутрь вошли Сүззакү и Миломас.

Сүззакү ощутила, что ее осмотрели и
оценили за одно мгновение, и разозлилась
за то, что ее так легко списали со счетов
как потенциальную угрозу. Это
иррациональное чувство исчезло, едва она
увидела четвертого десантника в доспехе
грязно-белого цвета – он склонился над
Келланом. За спиной у него были
герметичные баллоны, от которых
тянулись

булькающие трубки; раскрытый
гололитический дисплей на внутреннем
предплечье воина показывал неровные
линии
жизненных показателей пациента.

Символ на наплечнике -- посох, обвитый змеями -- подсказал Сүзакү, что этот воин апотекарий, медик Агентус Астартес. К

телу раненого были подсоединены датчики мониторинга и трубки капельниц, но Сүзакү пока не могла рассмотреть,

насколько обширны повреждения. Она сомневалась, что медик, обученный врачевать тела генномодифицированных сверхлюдей, хорошо разбирается в анатомии простого смертного, но для уточняющих вопросов момент был неподходящий.

-- Входите и закройте за собой люк, -- резко приказал им апотекарий.

-- Лучше не перечьте ему, -- посоветовал Данте. -- Апотекарий Селен славится своей вспыльчивостью.

Селен развернулся им навстречу; черты лица у него были прямые, словно высеченные из мрамора рукой скульптора, не

знавшего о существовании плавных линий.

-- Вот и не забывай об этом, если хочешь, чтобы после очередного боя я снова тебя заштопал. -- Апотекарий ткнул кулаком в грудь Данте, который поднялся в отсек.

Сүдзакү и Милотас вошли следом, и инквизитор поразилась, как просторно внутри «Носорога». В транспорте костических

десантников не было ничего лишнего: все системы, кроме жизненно важных, были демонтированы, чтобы обеспечить машине большую скорость и маневренность. Если в других «Носорогах» все-таки делались некоторые уступки потребностям экипажа, этот транспорт был просто металлической оболочкой, предназначенной решать единственную задачу: обеспечить безопасность воинам внутри. Все свободное пространство было занято оружием и боеприпасами, и Сүдзакү почувствовала невольное восхищение такой спартанской эстетикой.

-- Притму к сведению, апотекарий, --

ответил Данте, обходя носилки. -- Но я не виноват в том, что сейчас ты здесь, а не с Мечами Калта.

-- Я должен быть со своими боевыми братьями, -- возразил Селен, не замечая, что Данте его подначивает. -- Должен сражаться рядом со своим капитаном, а не нянчиться с этим смертным, которому не хватило мозгов просто умереть и не обременять меня своим несуразно хлипким телом.

-- Это всего лишь поисково-спасательная операция, так что с капитаном Вентрисом ничего не случится, -- отмахнулся

Данте. -- К тому же, с ним Петроний Нерон, да и Тагриан с Киприаном не допустят, чтобы капитан пострадал. Не говоря уж

о Пелее -- он прострелит голову любому, кому хватит глупости напасть на Мечей.

-- А если они не смогут его защитить? -- допытывался Селен. -- Скажи-ка, Корвин Данте, кто тогда соберет его по

күсочкам?

Сүдзакү заметила, что, несмотря на разгоревшийся спор, воинов связывают крепкие узы братского доверия, которые возникают только между теми, кто вместе проливал кровь. Они явно относились друг к другу с симпатией и уважением,

хотя и говорили на повышенных тонах.

Она подошла к носилкам, на которых лежал рядовой Узаак Келлан и, едва увидев его лицо, почувствовала облегчение оттого, что тело раненого скрыто под марлевой повязкой.

-- Милость Императора... -- выдохнула она, прикрывая рот рукой.

По долгу службы инквизиторы за свою жизнь видят массу страшных вещей, и у Сүдзакү была огромная коллекция

воспоминаний, которые она с радостью вытерла из памяти. Проклятые души, которые раздражает на части одержимость;

горы детских черепов, сложенные

обезумевшими культистами в честь своих богов; целые планеты, которые захлестывает

агским приливом демонического вторжения, а затем опустошает неистовый Устребитель жизни. Разум более слабый не

выдержал бы того, что повидала она, но то, что случилось с Келланом, было еще ужаснее: слишком человеческими по своей природе были его увечья и необоснованно чрезмерной -- их жестокость.

Стерильная простыня не могла полностью скрыть эти ранения, и Сүдзакү поняла, что выстрел в голову сейчас для него --

самое милосердное. С его рук содрали кожу от запястий до плеч, его грудь исколотывали глубокими порезами так, что

образовалась восьмиконечная звезда, и никакие антикоагулянты (sic! Логичнее было бы давать ему

кровоостанавливающие препараты -- прим. перев.) не смогли бы ему помочь. С

металлической рапы носилок

беспрерывно капала кровь, и Сүдзакү
обнаружила, что перерезанные сухожилия
превратили ноги солдата в бесполезные
отростки из мяса и кости.

Но чудовищнее всего было изуродовано
лицо Келлана.

Один лишенный век глаз медленно
выдавили из глазницы, второй остался
относительно целым, чтобы солдат мог
видеть

все немыслимые надругательства,
жертвой которых стал. Рот его был
разрезан на всю длину челюстей, как если
бы теждү

нити с силой вогнали нож. Сквозь недавно
наложенные швы поблескивали
окровавленные зубы; на лбу жертвы
тучитель

вырезал оскаленный череп. Даже если
рядовой Келлан выживет после таких ран
и вопроса, на нем навсегда останется
метка Түбительных Сил.

-- Он может говорить? -- уточнила

Сүдзакү, сдерживая подступающую горечь тошноты.

-- Спросите у него самого, -- предложил Селен.

Она посмотрела на изуродованного мужчину, и он еле заметно кивнул.

-- Меня зовут Намира Сүдзакү, -- сказала она. -- Вы меня понимаете?

Снова кивок.

-- Я найду того, кто сделал с вами такое. С помощью этих костических десантников я выслежу его и убью.

Она заметила настойчивость в глазах Келлана и наклонилась поближе, когда его губы дрогнули в попытке заговорить. Хотя раненого накачали морфием, говорить ему было мучительно больно. Швы на раскромсанных щеках натянулись, из оставшегося глаза потекли мутные, частичками крови слезы.

-- Его... нужно... поймать, -- выговорил он.

-- Я это сделаю, -- пообещала Сүдзакү. -- Но вы должны мне помочь. Можете сказать, кто это сделал? Это ведь был

Железный Воин?

Келлан кивнул, и она почувствовала праведный гнев, всколыхнувшийся в костодесантниках. Для них не было врага страшнее, не было врага ненавистнее. Зеленокожие и тираниды -- почти что животные, а более развитые виды ксеносов

-- обычный противник, которого нужно уничтожить. Но падшие из легионов предателей -- вот кто заслуживает истинной

ненависти, пугающей по своей силе.

-- Нужно убить его. Скорее, -- прошептал Келлан. Из разошедшихся швов по щекам побежали струйки крови. -- Железных Воинов... нельзя... победить.

Склонившись над раненым, Данте с удивительной мягкостью положил руку на плечо Келлана. Это был знак воинского уважения, трогательное проявление дружеского участия, которое, Судзакэ не сомневалась, было совершенно искренним.

-- Поверь, -- сказал Данте, -- уж этого я

уничтожу.

Келлан угрожал и схватил Сүдзакү за руку. Инквизитор увидел зрелище, тошнотворное в своей анатомической откровенности: как сокращаются мышцы, как влажно блестят напряженные сухожилия. Дисплей на руке Селена показал,

что все жизненные показатели раненого резко подскочили.

-- Нет, -- прошипел Келлан и на мгновение утолк, чтобы кровь, скопившаяся у него во рту, успела вытечь через разрезы на щеках. -- Сказал, что даже если... даже если вы его убьете... он заберет с собой... половину Калта. Сказал, что у него... есть план.

-- План? -- воскликнула Сүдзакү. -- Какой план?

-- Довольно, -- вмешался Селен. -- Мы должны немедленно доставить раненого в госпиталь. Отсек «Носорога» -- не место для операций, от которых зависит жизнь больного.

-- Еще немного, аптекарий, -- попросила Сүдзакү.

-- Я же сказал, нет, -- отрезал Селен.

Сүдзакү резко развернулась к нему:

-- Где-то на вашей планете еще остался один Железный Воин, и поэтому мне необходимо поговорить с этим человеком.

-- Если я сейчас же не введу ему нужные лекарства, он умрет, а этого я не допущу.

Сүдзакү с трудом удержалась от того, чтобы достать свою розетку и напомнить Селену, у кого тут настоящая власть. Нет,

это только ослабит ее позицию; нужно заставить аптекаря рассуждать объективно.

-- А если мы не выясним все, что знает этот солдат, умрет гораздо больше людей.

-- Он воин Ультратара, -- указал Селен, -- и заслуживает шанс на спасение.

-- Он этот шанс получит, -- заверила его Сүдзакү. -- Как только я закончу наш разговор.

-- Ты это одобряешь, Корвин? -- не сдвинулся аптекарь.

-- Одобряю, -- согласился сержант. -- Она права, хоть мне это и не нравится.

-- Хорошо, -- аптекарь кивнул. -- Еще минута -- и ни секундой больше.

Сүззакү вновь посмотрела на Келлана. Его кожа посерела, под глазами залегли глубокие тени. Любой полевой медик,

попадись ему Келлан при сортировке раненых, дал бы ему какое-нибудь паллиативное средство, чтобы он умер без боли, а

сам занялся бы теми, у кого прогноз был лучше. Но у Сүззакү не было выбора: ей нужно было, чтобы солдат оставался в

сознании и продолжал говорить. Чутье инквизитора подсказывало ей, что от того, что он скажет в оставшуюся минуту,

зависит очень много жизней.

-- О чем говорил этот Железный Воин? -- спросила она.

Взгляд Келлана потемнел, и

инквизитору показалось, что и этой
минуты у них не будет. Но раненый
остался в сознании и

справился с болью благодаря усилию воли,
которое открыло Сүдзакү новые стороны
понятия «героический».

-- Говорил, что... спустится глубже.
Вырезал мне глаз... Сказал, что расколется
этот мир. Его последняя осада... на
подступах

к самому сердцу Калта.

На губах Келлана выступила кровавая
пена, и все его тело охватили судороги.
Череп, вырезанный у него на лбу, снова

начал кровоточить -- как и порезы на
груди, кровь из которых пропитала
марлевую простыню, начертав на ней

восьмиконечную звезду. Раненый
вскрикнул от боли, на что датчики
жизненных показателей отозвались
тревожными
сигналами.

-- Хватит! -- рывнул Селен, оттолкнул
инквизитора в сторону и склонился над

пациентом.

Сүззакү обнаружила, что замороженно наблюдает за работой апотекария. Он поставил новые капельницы и нанес

обезболивающие бальзамы, действуя быстро, точно и при этом не упуская ничего. Сүззакү получила много ранений за время службы и надеялась, что в следующий раз рядом окажется медик из Космогесанта, похожий на Селена.

-- Нет, -- утмоял Келлан. -- Вы должны его остановить!

-- Остановим, -- заверила его Сүззакү.

Вслед за Данте и Миломасом она вышла из «Носорога». Люк закрылся, и после запахов антисептика и крови прохладный сухой воздух пещеры показался особенно свежим.

-- Апотекарий Селен сможет помочь рядовому Келлану? -- спросил Миломас.

Данте окинул его взглядом, словно прикидывая, не лучше ли проигнорировать вопрос, но затем решил, что савант, хоть и

калека, доказал свою полезность.

— Он и аптекарий из Караула Смерти вылечили нашего капитана, когда королева тиранидского роя ранила его шином и

заразила бактериальным вирусом. Если кто и может спасти Келлана, так это Селен.

Сүззакү кивнула и отошла от машины, разглядывая стены пещеры, их скальные породы и кристаллические вкрапления.

Когда-то здесь кипела жизнь, трудились люди, процветала промышленность. На первый взгляд те, кто выбирал такое существование под землей, шли на ненужный риск; однако все население планеты добровольно балансировало на грани

жизни и смерти только по одной причине — из упрямого нежелания бросать свой мир на радость врагу.

— Как думаешь, что значат слова Келлана? — спросил Миломас, постукивая пальцами по экрану планшета.

-- Точно не знаю. Может быть, преступник говорил так из злобы. Он проиграл, и это его последняя попытка хоть как-то

задеть врага.

-- Но сама ты в это не веришь, -- указал Милотас, не отрываясь от планшета.

-- Не думаю, что Железные Воины склонны к пустым угрозам.

-- Костические десантники в целом к ним не склонны, -- сказал Данте, -- а предатели -- особенно. Если этот Железный Воин считает, что может серьезно навредить Калтү, мы должны признать, что у него есть на то все основания.

-- Есть предположения, что именно он замышляет?

Данте покачал головой; Сүдзакү заметила, как тяжело ему признавать свое неведение.

-- Позволю себе сделать одно наблюдение, -- сказал Милотас и развернул планшет так, чтобы Сүдзакү и Данте видели экран. По его краям бежали потоки

данных, но в центре застыло одно
изображение: огромная железная башня,
подсвеченная красным, автоматические
механизмы вокруг нее и черно-белая
шестерня -- символ *Agentus Mechanicus*.

Изображение затуманивалось от облаков
раскаленного пара и выбросов из
газоотводов.

-- Что это? -- спросила Сүдзакү.

Милотас, похоже, огорчился из-за того,
что ответ не очевиден. Он нажал на
указывающую иконку карты в верхнем правом
углу

экрана. Принципы картографического
отображения, принятые на Калте, Сүдзакү
были незнакомы: проекции, принятые на
других планетах, здесь не работали.

-- Это геостанция *Арес Пирос*, -- пояснил
Милотас, так и не дождавшись реакции.

-- Понятия не имею, что это значит, --
огрызнулась инквизитор. -- Просто объясни,
что это.

-- Эта башня -- одна из десяти
геотермальных энергетических станций

Агентуc Механикуc, которые питают
большую часть

подстанций подземной энергетической
сети, охватывающей все города Калта.

Каждая башня находится внутри

искусственной сферы, защищенной
силовыми полями. Эти сферы погружены в
верхнюю мантию планеты, где станции

преобразуют огромную температуру и
давление в энергию -- и делают это в
таких количествах, что с избытком
покрывают

все потребности Калта.

-- Где расположено это место? -- Данте
сам постукал по экрану, за что удостоился
раздраженного взгляда от Милотаса.

Савант протер экран шелковой тряпочкой
и лишь потом ответил:

-- 10, 6 километра ниже нас, 15,1 на восток.

-- Есть вероятность, что Железный Воин
планирует устроить там саботаж? --
предположила Сүдзакү.

-- Ни малейшей, -- заявил Данте. -- Туда
так просто не проникнуть. Каждую башню

защищают преторианцы Механикус,
боевые сервиторы и целые отряды
скиитариев, так что это практически
крепость.

-- И кто, как мы знаем, лучше всех умеет
брать крепости?

-- Инквизитор, вы видите опасность там,
где ее не может быть, -- сказал Данте. --
Это паранойя.

-- Поставите на этот диагноз судьбу
вашей планеты? -- парировала Сүдзакү. --
Этот воин сумел затаиться на целых
шесть

месяцев. Он сумел не попасться ни одному
из патрулей, направленных на поиски
целевых врагов, и, возможно, сейчас
он занят как раз тем, что выполняет
план своих хозяев.

-- Но он один. -- Данте не хотел
признавать, что у предателя может быть
достаточно мастерства для такой наглости
и

самоубийственной операции. -- У него
ничего не получится.

-- А если получится? -- не сдвинулась
Судзакү. -- Милотас, чем обернется
уничтожение одной из башен?

Милотас вывел на экран новую порцию
данных -- и поджал губы, грустно качая
головой. Прогдевав несколько сложных
набросов над планшетом, он тихо выдохнул.

-- Силовые линии в энергетической сети
Калта пересекаются на сотнях разных
уровней, что делает ее структуру очень
чувствительной. Если наш безымянный
враг каким-то образом уничтожит эту
башню, возможно, нарушится вся сеть.

-- Значит, кое-где на пару дней пропадет
электричество? -- предположил Данте. --
Сеть скомпенсирует потери.

-- Боюсь, что нет, сержант, -- ответил
Милотас. -- По сути каждая такая башня --
это группа атомных реакторов, которые
стоят на поверхности магмы. Если враг
каким-то образом сможет заставить
станцию погрузиться в мантию планеты
и там

ее взорвет, последствия будут

катастрофическими. И это еще в лучшем случае.

-- А в худшем? -- уточнила Сүдзакү.

-- В худшем случае сейсмический импульс разорвет всю верхнюю мантию, и тогда планетарная кора не выдержит. Повсюду начнутся землетрясения, обрушения сводов пещер, обвалы в туннелях. В тех местах, где кора достаточно ослабнет,

мантия прорвется наружу и... не мне вам говорить, что тогда случится с городами, которые окажутся рядом.

Отвечить Данте не успел: штурмовая аппарель «Носорога» опустилась с металлическим лязгом, и появился аптекарь

Селен. Его белые латные перчатки были залиты кровью, лицо искажено гневом.

-- Рядовой Келлан скончался от полученных ранений, -- сообщил он. -- Я надеюсь, инквизитор, что за информацию, которую

он вам сообщил, стоило отдать жизнь.

-- Он умер слуга Императору и

Ультратару, -- ответила Сүдзакү на обвиняющий взгляд Селена. -- Такая смерть не может

быть напрасной.

-- Разве? Это лишь избитые фразы.

-- Это правда. -- Сүдзакү заговорила мягче, понимая, что нужно поделиться с Селеном хотя бы некоторыми данными. --

Возможно, благодаря ему мы спасем очень многих. Мы думаем, что Железный Воин собирается устроить саботаж на одной из геотермальных энергетических станций.

Селен обернулся к Данте и медленно кивнул, но глазами сержанта поняв, что инквизитор не лжет.

-- Тогда Император его не забудет. -- Апотекарий вытер руки обрывком бинта. --

Я поручу отряду сержанта Лерато доставить тела его товарищей в Нагорск.

Данте собирался ответить, но его прервало потрескивание потех в вокс-бүсине. Прижав бүсину пальцем, сержант прослушал сообщение и напряженно

выпрямился. Но тому, как потрачено его
лицо, Сүдзакү поняла, что новости плохие.

-- Что случилось?

-- Была еще одна атака.

-- Где? -- Милотас приготовился ввести
координаты в планшет.

-- Тремя километрами глубже, -- ответил
Данте. -- В одном из туннелей, ведущих к
Арес Нирос.

...

Сержант Лерато проводил взглядом
«Носорог» Ультрагесантников, который,
взрыхлив землю, направился к одному из
туннелей, ведущих вниз. Следом
пророкотал транспорт инквизитора, и
вскоре обе машины скрылись из виду.
Лерато

выдохнул, только сейчас осознав, как
сильно нервничал с того момента, как
встретился с Сүдзакү. И дело было не в ее
Ордосе -- у Атия Лерато не было причин
бояться Инквизиции. Поводом для его
тревоги были рассказы о том, что эта
женщина сделала на стенах Кастра

Окцидент.

Человека, который может хладнокровно застрелить собственного брата, стоило опасаться.

Медленно выдохнув, Лерато взял себя в руки. Его ждала работа. Нужно было почтить павших товарищей, доставить тела в

Нагорск и вернуть их семьям. Останки рядового Келлана и других солдат из отряда сержанта Джоэль лежали на земле,

аккуратно упакованные в мешки для трупов, которые были одобрены Муниторумом и входили в стандартное оснащение

всех боевых машин оборонной ауксилиии. Благодаря термоизоляции в этих мешках можно было не только перевозить

трупы, но и спать в полевых условиях. Однако на это решались немногие — солдаты не хотели гадать о судьбе. «Лучше

затерзший, но живой, чем теплый и

мертвый» — эту поговорку обычно вспоминали, когда начинало холодать.

Лерато слышал, что большинство тех, кто сражается за Империум в необъятных глубинах космоса, никогда не

возвращаются на планеты, где родились, что им суждено упокоиться в чужой земле — или их тела просто выбросят из воздушного шлюза корабля.

Самая мысль о таком вызывала в Лерато отвращение. Погибший солдат должен лежать в земле той планеты, которую он считал домом и за которую отдал жизнь в бою. Лерато надеялся что, когда настанет его черед, его тело доставят обратно в

теплые тропические пещеры Юнтис Майорис в экваториальной зоне — именно там славные воины его рода обретали покой

рядом с героями прошлых поколений.

Он встряхнулся, чтобы прогнать сентиментальное настроение, и послышался сигнал: остальные:

-- Ко мне. -- Его окрик эхом отразился от стен.

Отряд собрался вокруг него с обычной проворностью. Сержант хорошо знал каждого в своем отряде: он сам отбирал этих

солдат, проявив при этом готовое внимание к деталям, характерное исключительно для армии Ультрамара. Он сам

обучил их работать в команде, и война показала, как доблестно они умеют сражаться.

Рядовой Джасен с боем отбил у врага знамя другого отряда той же обороной атаксилли, получив при этом два

огнестрельных ранения в ногу. Он лишь недавно вернулся в строй и хотел доказать, что готов к службе. Лорц, водитель

«Хитеры», был самым старшим. В свои двадцать семь лет этот отчаянный храбрец выстоял против целого отряда

Рожденных кровью, причем из оружия у

него был только ценной меч, который он забрал у поверженного костодесантника.

С одобрения Ульрагесанта этот меч теперь украшал спальню отряда в ротной казарме.

Целзар и Лута, засев в окне, огнем из тяжелых стабберов отбивали атаки фанатиков из Рожденных Кровью, которые шли

одна за другой. Лерози своим телом накрыл ранцевый подрывной заряд, который упал в самой гуще его взвода. Мужество его поступка ничуть не утало тот факт, что заряд оказался мляжом, хотя его товарищи потом не раз отпускали по этому

поводу добродушные шутки.

— Так что там, сержант? — спросил Джасен. — У них есть наводки насчет того, кто так обошелся с Келланом?

— Пока у меня нет точной информации, рядовой Джасен, — ответил Лерато. — Но судя по скорости, с которой сорвались с места костодесантники и инквизитор,

Келлан явно сказал ил что-то полезное.

-- Это зверь, да? -- уточнил Лерози. --
Никто на Калте не сделал бы ничего
подобного.

-- Я слышала, что этот зверь -- монстр из
Варна, -- сказала Ёлзар. Ее молодое лицо
побледнело, и она дрожала от

волнения, предвкушая охоту. -- Вроде бы
его вызвали специальным ритуалом или
что-то вроде.

-- Отставить разговоры, -- приказал
Лерато, зная, как быстро в армейской
среде расползаются слухи. -- Никакого
монстра

нет. Скорее всего, в пещерах все еще
бродит какой-то солдат из Рожденных
кровью, которого еще не поймали.

-- Тогда почему ты не поехали с
Ультрадесантниками? -- спросил Лорц. --
Мы ведь тоже жители Калта, у нас есть
право

защищать родину.

-- Это так, но у нас есть свое задание, --
напомнил Лерато. Он заметил, как

поотрачнели лица солдат при мысли, что негодяя, убившего их товарищей, устранят без их помощи. -- Задание столь же важное. Отряд сержанта Джоэль нужно отвезти в Нагорск, и этим должны заняться не Ультрадесантники, а именно мы. Они были нашими братьями по оружию, и

наш долг -- с почестями вернуть их домой. Увидев, как разочарование на лицах подчиненных сменяется гордостью и сдержанной скорбью, Лерато понял, что это

задание они выполнят с тем же рвением, как и боевую миссию. Каждый солдат оборонной ауксили Ультратара знал: если ему суждено погибнуть, его останки вернут семье. Именно эта твердая вера в то, что после смерти они не будут забыты,

позволяла воинам сражаться с отвагой и честью.

-- Рядовой Лорц, возьмете «Хилеру» сержанта Джоэль. На нее мы погрузим

тела, и убедитесь, что они хорошо закреплены

в отсеке, -- не дело, если они будут подскакивать на каждой кочке. Помните, речь идет о наших товарищах. Проявите уважение.

-- А кто поведет «Азуритовый кулак»? -- ревниво спросил Лорц, и Лерато чуть не улыбнулся. Лорц относился к «Химере»

так, словно она была его собственностью. Он постоянно проверял работу технопроводцев и вносил разные изменения в

систему управления и бортовые логистры (хотя ему хватало остроумительности это не афишировать). Так как эти

изменения вроде бы шли машине на пользу, Лерато смотрел сквозь пальцы на эксперименты Лорца и вмешивался, только

когда тот заходил слишком далеко.

-- «Кулак» поведет Лута, -- ответил сержант. -- Мы поднимемся на поверхность вслед за «Светом Калта» через Врата

Жиллитана.

Пожав плечати, Лорц повернулся к Луте:

-- Если потом на базе выяснится, что на «Кулаке» появилась хоть одна новая вмятина, нам понадобятся еще мешки для трупов. Понятно?

-- А старые вмятины -- это чья вина? --
Лута изобразил оскорбленный вид.

Все застеялись. Предупреждая гневные возражения со стороны Лорца, Лерато поднял руку:

-- Хватит, пора выдвигаться. Я хочу вернуться на позицию до того, как они найдут этого гада. Мы до вечера возвращается в

Нагорск, заправляет машины и готовится к бою. Все ясно?

-- Так точно, -- отозвались солдаты и принялись за нерадостную работу: складывать тела погибших товарищей в трупы той

«Хитеры», что привезла их навстречу смерти.

Сүззакү хладнокровно остотрела
дытыящяся рүины подстанции --
небольшого передаточного пункта,
который обычно

обходился вообще без персонала. Но не в
этот раз: на станции были агент
Механикус и три сервитора. Все они
погибли --

когда станция взорвалась, пламя оставило
от них лишь угли.

Здание, построенное из каменных блоков и
металла, прилепилось к стене пещеры,
кабельный канал диаметром в три
метра проходил сквозь него. Хотя
станция была чисто служебным
сооружением, ее конструкция, как и у
других калтских

зданий, отличалась прочностью и
продуманностью деталей. Говорили, что
именно такой была архитектура
вытерших
автохтонов.

Из четырех стен станции три устояли,
хоть и почернели от огня. Кабельный

канал был перерезан, и наружу вывалились, словно искусственные кишки, тысячи проводов в изоляционной оболочке -- они искрились и извивались как рассерженные змеи, сцепившиеся в борьбе за лакомую добычу.

-- Кажется, вы были правы, -- сказал Данте.

-- В чем? -- спросила Сүдзакү.

-- В том, что Железный Воин направляется к Арес Пирос.

Сүдзакү кивнула и ровным шагом направилась к станции. Ее взгляд скользил от одной детали к другой, ни на чем конкретно

не останавливаясь. Что-то в этой картине разрушения казалось инквизитору неправильным, но что именно, Сүдзакү

определить не могла. Милотас догнал ее, но пока хранил молчание, чтобы не нарушить ход ее мыслей.

-- Почему? -- заговорила Сүдзакү.

-- Что почему?

-- Почему именно это место?

-- Потому что здесь проходят магистралы, выводящие энергию из Ареса. Нирос, -- пояснил Милотас. -- Такие распределительные станции нужны, чтобы поддерживать мощность в сети на одном уровне.

-- В таком случае атака имеет смысл, -- добавил Данте и провел рукой по волосам, стряхивая частицы пепла, хлопьями оседавшего на голову и наплечники доспеха.

Подойдя ближе к вскрытому кабельному каналу, Сүдзакү оценила степень механических разрушений и повреждений от

ударной волны, разошедшейся от эпицентра взрыва. Вначале она решила, что канал был уничтожен в результате атаки, но

теперь у нее появилось новое, еще более неприятное предположение. Сүдзакү попробовала представить себе, как

Железный Воин приближается к

подстанции, как планирует нападение.
Через подстанцию проходило огромное количество

электроэнергии, и большого ущерба в случае атаки было бы добиться легко.

-- Почему именно здесь? -- рассуждала Сүдзакү. -- Он мог без труда нарушить линию передачи где-нибудь в другом, наверняка безлюдном месте.

-- Он Железный Воин, -- сказал Данте. -- Он не хочет оставаться незамеченным. Он угрожает нам, так как думает, что остановить его мы не сможем. Этот мерзавец рассчитывает уничтожить Арес Пирос и хочет нам показать, что будет всегда на шаг впереди.

-- Возможно, вы правы, -- признала Сүдзакү. -- Скорее всего, ведь Архиврагү свойственна самонадеянность. Похоже, все так и было.

-- Но судя по вашему голосу, сами вы в это не верите.

-- Просто потому что это так...

нарочито.

-- Мне напомнить, что такое «бритва Оккама»? -- предложил Милотас.

-- Нет, не надо. -- Сүззакү пригнулась, чтобы пройти под кабельным каналом.

С другой стороны скала почернела -- на нее попали основные продукты взрыва, из чего следовало, что заряд установили

именно здесь, рядом со стеной пещеры. Взобравшись на нагромождение искореженных металлических балок и осколков

каменной, Сүззакү дотянулась до пятна «копоты» и поскребла его ногтем, после чего спрыгнула на пол и протянула руку

Милотасу. Тот взял пробу этого жирного черного вещества тонким скальпелем, который затем ввел в слот на боковой

стороне своего зеркального планшета; процедура завершилась рядом замысловатых бинарных кода.

-- Что он делает? -- поинтересовался Данте.

-- Проводит химический анализ продуктов

взрыва, -- пояснила Сүдзакү.

-- Зачем?

-- Мне нужно выяснить, какое взрывчатое вещество было использовано, -- ответила Сүдзакү и повернулась к разрушенной подстанции. Она пошла к зданию, обращая внимание на то, в каком направлении разлетелись обломки и как именно распространялась ударная волна.

-- Двух сервиторов нашли внутри здания, так?

-- Да, -- подтвердил Данте.

-- А останки агента Механикус и третьего сервитора лежали посреди туннеля.

-- Верно, -- опять согласился Данте. -- Но что это доказывает?

-- Не думаю, что подстанцию атаковали. То есть, нападение, конечно, было совершено, но сам нападающий, по-моему, в это время был в другом месте. Представьте, что вы лазутчик, затерявшийся на вражеской планете. Ваша главная задача?

-- Нанести врагу как можно больший урон, --
-- ответил Данте.

-- Нет, это вторая цель. Первая -- не
попасть в плен, а для этого лучше всего
заставить врага идти в направлении
прямо

противоположном тому, в котором
движетесь вы.

-- Но причём тут этот случай? Я человек
прямой, так что называйте вещи своими
именами.

-- Ладно. Посмотрите на то, как лежат
тела. Agent со своими сервиторами
пришел на подстанцию для
запланированного

техосмотра, что подтверждают данные
регистраторов. Канал поврежден из-за
взрыва бомбы, а не в результате

перестрелки или разрушений,
сопутствующих бою. Ручаюсь своими
добрым именем, что на телах при
осмотре не

обнаружится на одного пулевого ранения
или других следов насилия.

-- И на что же указывает положение тел?

-- Компетентный агент практически сразу бы заметил, что на кабельном канале установлен какой-то инородный предмет, и

пошел бы проверить, что это такое. В нашем случае он оставил двоих сервиторов внутри подстанции, а третьего взял с собой. Возможно, он пытался снять бомбу; возможно, ее запрограммировали взорваться точно перед следующей технической проверкой. Как бы то ни было, взрыв отбросил агента и сервитора через всю пещеру, разрушил канал и снес фасадную стену подстанции.

Выслушав рассуждения Сүзакү и оценив особенности повреждений, Данте кивнул.

-- Мэл, -- окликнул инквизитора Милотас его планшет издал сигнал, означавший, что химический анализ завершен. Он протянул устройство подошедшей Сүзакү.

-- Изложи вкратце, -- попросила она.

-- Хорошо, не стану утомлять вас лишними деталями касательно точного

химического состава, но суть в том, что это

взрывчатка уровня Agentys Астармес с примесями различных химических добавок, которые обычно встречаются в

сельском хозяйстве. Судя по концентрации элементов и площади загрязнения, бомба была довольно мощной, и ее

создатель явно позаимствовал множество веществ для нее с калтских складов снабжения. Он не просто нанес удар,

воспользовавшись удачно сложившимися обстоятельствами; он прекрасно знал, как изготовить эффективное взрывчатое соединение, и хорошо к этому подготовился.

-- Пока что факты подтверждают, что это наш Железный Воин, -- заключил Данте. -- Какие еще выводы можно сделать из

этого анализа?

-- Что у него было время, чтобы установить заряд, -- сказал Милотас.

-- И что мы имеем дело с очень

изобретательным преступником, который не торопясь и до мелочей продумал свой план, --

добавила Сүдзакү.

-- Тогда нельзя медлить. Мы должны его найти.

-- Безусловно, -- согласилась Сүдзакү. -- Надеюсь лишь, что мы ищем в нужном месте.

...

Из множества обязанностей, которые приходилось выполнять агенту на Арес Пирос, наблюдение за туннелями и пещерами, прилегающими к геотермальной станции, было самым скучным и в то же время самым желанным назначением.

В недрах одной из планет Ультратара с безопасностью особо беспокоиться не приходилось: мало найдется стражей более бдительных, чем Ультрадесант.

Во время таких дежурств никогда ничего не происходило, и потому агент-наблюдатель мог выкроить время, чтобы

заняться собственными проектами и разработками. Для техножреца Демтелы часы, которые он должен был провести в контрольном пункте системы безопасности, всегда были источником радости. В промежутках между диагностическими проверками собственных внутренних систем он занимался сбором статистического материала для сравнительного анализа магнитных потоков в раскаленной мантии планеты.

Для бесперебойной работы станции вроде Арес Пирос требовалась скрупулезная внимательность: малейшая ошибка в расчетах гармонической матрицы щита и последствия будут катастрофическими. Глубинные магнитные потоки в мантии

Калта отличались хаотичностью и непредсказуемостью, и каждый агент Механикус надеялся когда-нибудь вывести точное

логарифмическое обоснование для
наиболее эффективных гармоник, которые
сделали бы силовой щит станции прочнее,
а

самому агенту принесли бы похвалу
Верховного мага.

Энергопотребление генераторов щита
было расточительно высоким -- более
половины всей энергии, которую
вырабатывала станция. Уменьшение этих
показателей хотя бы на десять процентов
дало бы невероятный прирост
мощности.

Деттела провел в библиотеках Марса
не одно десятилетие, и за это время он
собрал фрагменты кода, которые затем
стали основой для разработанной им
методики. Новый метод использовал
топологическое смешивание, что
позволяло

точнее рассчитать параметры
функционирования систем в постоянно
изменяющихся условиях. Деттела
надеялся, что эта

методика даст возможность вывести
прогнозный логарифм, который он
представит конклаву магосов на
следующем
симпозиуме.

Так как внутренние системы Демтелы
были заняты триллионами вычислений,
ему потребовалось несколько секунд, чтобы
идентифицировать навязчивый
тревожный сигнал, который
зарегистрировали его аудиорецепторы.
Этого звука ему раньше
слышать не доводилось, и на определение
его природы ушло некоторое время.

Демтела приостановил процесс решения
логарифмических уравнений и
перенаправил химические процессы мозга
на

обработку внешних стимулов. Мир чисел,
интегралов и безмятежных
арифметических расчетов рухнул, и на
его место

вторглась геометрия материального
мира.

Небольшой зал контрольного пункта располагался в центре высокой башни, что возвышалась подобно одинокому маяку над геотермальной станцией -- островом, наполовину погруженным в бушующее огненное море. Деттела отсоединил два мекхагендрита от латунных портов вывода первой и второй разностных машин, но остался подключен к третьей. Более простые вычисления для низких мощностей можно было проводить и в фоновом режиме. Инфошины подсоединились к логистрам, которые обрабатывали данные сканеров. Для мониторинга этой пещеры использовалось специальное оборудование: на такой глубине и в таких агрессивных электромагнитных условиях обычные приборы показали бы только поток случайных данных и ложных сигналов.

На экране стеляли друг друга бинарные изображения, благодаря которым все пространство пещеры представало в виде

геометрических объектов с точно
указанными размерами и объемом.
Система реагировала на любое изменение
в этих

параметрах сигналом тревоги и давала
описание инородного объекта в простых
алгебраических уравнениях. Деттела
быстро просканировал нижние уровни
пещеры, но не заметил ничего странного —
пока не перешел к верхним уровням.

Аномалия обнаружилась почти под сводом:
подвижный объект, который метался из
одной геометрической зоны в другую,
словно блуждающий электрон между
атомными ядрами. Раньше
системы станции таких объектов не
наблюдали, и

Деттела решил, что это какой-то сбой в
оборудовании. Возможно, так дух машины
хотел напомнить своим пользователям,
что ему пора совершить подношения.

Перед агентом мигнул, пробуждаясь,
пыльный экран. Катодная трубка
потрескивала и прогревалась раздражающе

медленно -- лишь через долгие 6,4 секунды на экране появилась каркасная визуализация неопознанного объекта. Едва увидев его, Демтела сразу же понял, что это такое; труднее было осознать, что этот предмет действительно находится здесь.

Дрон для дистанционного зондирования, его форму ни с чем не спутать. Используется для разведки в передовом районе.

Демтела затруднялся лишь определить его модель.

-- Идентифицировать, -- командовал он.

Машина ответила жужжанием и обрывками испорченного двучного кода, так что Демтеле пришлось, склонив голову, все-

таки остановить фоновые вычисления. Сканеры требовали тонкой настройки и полного внимания со стороны оператора, тем более когда речь шла о столь неординарной находке. Agent переключился с человеческой речи на

бинарное арго и

повторил команду в более церемониальной форме:

-- Священная Машина, благословенный оплот точности, одари меня своей мудростью. В двоичном коде почитаю тебя,

шестнадцатеричными гитнами
восхваляю, электрической искрой твоей
жизни пробуждаю гальваническую энергию твоих

внутренних процессов.

Деттела послал в машину разряд тока, и пикт-экран застрекотал, увеличивая яркость. Внутри прибора раздался сначала стук магнитных лентоплат, а затем протяжный скрип, который столкнулся с появлением на экране мерцающего изображения.

Предупреждающая бинарная надпись, его сопровождавшая, была подсвечена красным.

-- Фабрикатор милосердный... --
прошептал Деттела, незаметно для себя вновь переходя на ту форму речи, что

была гана

ему от рождения.

Каркасная модель на экране стенилась зернистым газерротипом из древней книги, судя по всему, какого-то трактата о

вооружении. Страницы ее пожелтели и выцвели; никаких выходных данных или сертификатов подлинности не было.

Подпись к рисунку отличалась негантичной готовностью:

Дистанционный разведывательный дрон, тип «Бартизан», олимпийская модель.

Деттела открыл канал вокс-связи с казармами скитариев, расположенными в туннелях вокруг Арес Пирос.

-- Это техножрец Деттела, идентификатор 445355-919/Лямбда.

-- Говорите, -- прорычал в ответ грубый голос.

-- Полная боевая готовность, -- сказал Деттела как можно спокойнее. -- Над Арес Пирос кружит разведывательный дрон Железных Воинов.

Поверхность Калта, хоть человек и не мог там выжить, поражала своей суровой красотой, и сержант Лерато часто мечтал,

каково это -- увидеть такой пейзаж своими глазами, а не через приборы наблюдения в башне «Азуритового кулака».

Горизонт исчертили синие и желтые полосы, будто небрежный художник разлил краску по холсту; они постепенно

менялись оттенками фиолетового и оранжевого, которые, в свою очередь, растворялись в черной глубине неба, где сверкала россыпь звезд.

Синее солнце должно было вот-вот скрыться за горной грядой, и глинные резкие тени пролегли по земле. Как гласили

легенды, когда-то эта местность была одной из самых плодородных в Ультрамаре и не уступала садам Нрандиума и

Эспандора. Но затем Калт опустошила радиация, и теперь ветер разносил над

безжизненной землей токсичные вещества,
а отравленное солнце, словно немигающий
глаз циклона, выжигало губительными
лучами планету, которая раньше
нежилась в его свете.

Из-за груза, который они везли,
подчиненные Лерато хранили мрачное
молчание. Путь не отклонялся от курса,
следуя в

пыльном кильватере «Света Калта». Пока
что путешествие было гладким, и им
только один раз пришлось остановиться на
вынужденную поправку у Врат
Жиллимана: у «Света» оказался
неисправен указатель уровня топлива, и
хотя Лорд

думал, что на обратную дорогу топлива
хватит, на самом деле баки были пусты.

Обитатели Калта привыкли жить под
землей, в пещерах, где было достаточно
воздуха и света, но Лерато считал, что
какая-

то часть человеческой души все равно
стремится к открытому небу. Однако

получив назначение на другую планету, он
с

удивлением -- и даже разочарованием --
обнаружил, что каждый раз, оказавшись на
открытом пространстве, испытывает
приступ легкой агорафобии. Это не
пешало ему выполнять свои обязанности,
но Лерато все равно чувствовал
дискомфорт, когда над головой у него не
было каменного свода.

Он отогнал воспоминания и сверился с
картой, которая развертывалась на
гололитическом дисплее рядом с
приподнятым

креслом Луты. Они довольно быстро
двигались по стальному шоссе, что
пересекало Баккерийскую равнину, и уже
можно

было разглядеть мерцающие огни
Нагорска, расположенного у подножья
горы.

День выдался глинным, и от покачивания
«Хилеры» Лерато клонило в сон, но уже
через час они проедут городские ворота,

затем еще немного -- и покажется штаб-полка с аквилой на фасаде, стоявший на границе огромных посадочных платформ с компенсированной гравитацией.

Прибыв на место, они отнесут тела павших товарищей в ротную часовню, их последнее пристанище, и воздадут почести

тем, кто отдал жизнь за Калм. Настоящий реквиел отслужат позже, и Лерато чувствовал, что к тому моменту должен

обязательно выспаться. Церемония наверняка будет графичной: прелат Юстиан не был склонен к сантиментам и в

проповедях любил взывать к карам небесным.

«Хитера» повернула за угол, и впереди выросла громада серебристых стен Нагорска.

-- Жиллитанова кровь, -- выдохнул Лута. -- Каждый раз как в первый раз. Понятно, почему Лорц хочет сидеть на месте

водителя.

-- Да, вид впечатляющий, но не отвлекайся от дороги, -- посоветовал Лерато.

-- Так точно, сержант.

Джасен, Лерози и Ёлзар прижались к арматурсовым стеновым отверстиям у бортовых орудий, но сержант сомневался, что с таким сектором обзора они увидят что-то стоящее.

Лерато, как и положено командиру танка, стоял в открытом люке башни и наслаждался видом. Баккерийская равнина, простиравшаяся вокруг, сама могла сойти за город -- столько на ней было металлических сооружений. Гигантские суспensorные поля держали в своих терцающих объятьях костические корабли, напоминавшие грандиозные соборы или

даже секции города-улья. Великие боевые корабли затерли без движения на поверхности Калта, и для многих из них это

было первое возвращение домой.

В холодных лучах синего солнца громадные корпуса вздымались подобно утесам, а бортовые батареи напоминали заостренные стены крепости. Вверх на сотни метров вздымались загнутые форштевни, украшенные символами

Ультрадесанта, и исполинские ангелы распростирали крылья, предвкусывая полет, словно титаны из древних мифов.

После войны у инженеров Механикус оказалось столько работы, что им пришлось расширить доки за пределы городских

стен. На фоне этих костячатых левиафанов две «Хитеры» казались всего лишь таленькими точками.

Сейчас ремонтные доки были загружены полностью, устраняя повреждения, которые армага Рожденных кровью нанесла

ультратарскому флоту. Многие корабли были уничтожены, многие, как и положено ветеранам, обзавелись неизгладимыми шрамами. Наиболее почтенные из этих

древних героев войны участвовали в
стольких сражениях, что историки по
отметинам на корпусе могли проследить
хронику их службы до дня закладки киля.

-- Вот «Октавий», -- указал Лерато. -- А
там, кажется, «Кулак Макрагга».

Он инстинктивно провел рукой по
глубинному шраму, который поднимался от
подбородка вдоль всей челюсти к виску.
Этим

след оставил фрагмент орочьей гранаты,
который затем взорвался, лишив Лерато
уха. Медики сохранили ему слух, но от
самой ушной раковины ничего не осталось,
а жалование сержанта не оставляло
средств на восстановительную операцию.

Прямое как стрела шоссе проходило сквозь
это невероятное сосредоточение кораблей,
которые казались торскими

чудовищами, выброшенными на синие
пески зыбкого берега. Дорогу проложили
еще во времена Жиллитана, и, несмотря
на все просьбы агентов Марса, правители
Ультратара отказывались пускать

движение в объезд доков ради временного удобства.

Честью было даже оказаться рядом со столь легендарными кораблями, сражавшимися в самых знаменитых битвах

ультратарской истории, и Лерато кивком приветствовал тех, названия которых он знал. Это зрелище служило отрезвляющим напоминанием о той цене, которую пришлось заплатить за победу над Рожденными кровью, и о том, как близок был враг к своей цели. В торжественной тишине, что окутала этот город поверженных колоссов, Лерато склонил голову и вознес молитву Императору.

...

Подъезд к пещере был опасным: масса мест, где враг мог затаиться или оставить ловушки, обнаружить которые можно

было только в момент их срабатывания. Данте просигналил Офиону и Прияму

занять прикрывающие позиции, в то время как Каин держал на прицеле телтаганат ту часть туннеля, которая лучше всего подходила для засады.

Селен ждал рядом с пистолетом и мечом наготове, и Данте был рад, что аптекарь с ними. Обычно аптекари не входили в состав боевых отделений, но после того, что случилось в Неласгии Тета-66, Селен решил присоединиться к воинам сержанта.

Отсюда до Арес Пирос было около километра; извилистый туннель немного снижал температуру, но все равно жара была

страшной. В воздухе плыли облака пара, из трещин в раскаленных скалах вырывались струи обжигающего газа.

Спонтанные термальные выбросы и электростатические разряды, которые создавала сильно намагниченная станция внизу, превращали туннель в идеальное укрытие.

Но как бы ни было хорошо это укрытие,

Ультрагесантники все равно не позволят врагу проскользнуть незаметно.

Инквизитор Сугзак и три ее солдата поднялись на скалообразное обнажение породы к востоку от Данте; с этой точки открывался вид на пещеру, из которой, по словам Механикус, пришел сигнал наведения для дрона. Следуя приказам

Данте, агенты Механикус не стали сбивать устройство, чтобы не извещать его владельца о том, что шпион обнаружен.

Дрон продолжал свою работу, а ударный отряд Данте тем временем вышел на позицию. Отследить сигнальные импульсы от дрона к его оператору оказалось простой задачей на триангуляцию, что агенты и попытались объяснить сержанту,

однако он отбросил эту информацию как несущественную.

Он лишь хотел знать, где находится Железный Воин.

На визоре Данте появились тактическая

карта пещеры, где были обозначены
позиции его отряда и отряда Сүдзакү, а
также

когорт скитариев и боевых сервиторов,
которые остались в туннелях. Сержант не
собирался задействовать эти силы без
крайней необходимости: исход этой битвы
должны были решить костические
десантники.

Различные тактические решения
меняли друг друга на дисплее визора --
слишком быстро для человеческого мозга,
но

Данте благодаря улучшенным
когнитивным способностям успел оценить
их все. Он отбрасывал сценарий за
сценарием,

пока не остановился на стратегии,
которая была одобрена Кодексом и
обеспечивала максимальную вероятность
успеха

при минимальных потерях.

-- Ты ведь понимаешь, что невозможно
подобраться к входу в пещеру так, чтобы

не оставить врагу времени на подготовку,
-- сказал Селен, когда Данте передал ему карту.

-- Прекрасно понимаю.

-- Он выбрал хорошее место, -- в голосе Селена слышалось невольное восхищение противником, который проявил такую тактическую смекалку. -- Какая удача, что я с вами.

-- Если это был намек на некомпетентность моих воинов, то я его не слышал, -- ответил Данте, надевая шлем. -- А то мы опять поругается.

-- Я вовсе не это имел в виду, ты же знаешь.

Данте кивнул. Офицер доложил о готовности коротким вокс-сигналом, через мгновение аналогичный сигнал пришел от Прийама, и сержант покрепче перехватил рукоять меча.

-- Инквизитор? Вы и ваш отряд готовы?

-- Так точно, -- подтвердила Сүдзакү. -- Начинает по вашему сигналу.

Данте кивнул Селену:

-- Отвага и честь, брат.

-- Отвага и честь, -- ответил Селен, сжимая руку Данте. -- Полни: это обычная боевая операция, а не твой личный крестовый поход.

-- Любой бой с Архиврагом -- это всегда личное дело, -- покачав головой, Данте посмотрел Селену прямо в глаза. -- Тебе ли этого не знать, апотекарий.

Он передернул затвор пистолета, проверил, свободно ли движется полотно цепного меча, и повел плечами, разминая мышцы. Слишком давно Данте не участвовал в настоящем сражении, и перспектива расправиться наконец с этим Железным Воином отозвалась во всем теле приятным волнением. Некоторые считали, что воину не полагается наслаждаться самим боем, но Данте так не думал: победить в схватке слугу Губительных Сил -- вполне достойный повог

для радости.

-- Брат Прийм, брат Офион, вперед, --
скомандовал он, тем самым начиная
атаку.

Оба воина открыли огонь по входу в
пещеру. По туннелю заметался гудкий
отзвук болтерных выстрелов, и подземный
сумрак пронзили всполохи гудьного
пламени. Несколько газовых картанов
воспламенились и взорвались с
оглушительным
треском.

-- Давай, аптекарий! -- крикнул Данте и
ринулся к скальному выходу у западной
стены.

Инквизитор Сүззакү и ее солдаты
перекрыли проход в пещеру шквалом
лазерного огня, который вели из наручных
роторных пушек. Брат Каин на мгновение
замер, прицеливаясь, а затем выстрелил
из мелтагана. Со звуком,

напоминавшим раскат грома, вход в
пещеру исчез в тарефе перегретого воздуха,
и люди Сүззакү продвинулись вперед, ни

на секунду не прекращая стрелять.

С восточной стороны прогремел взрыв, и Данте увидел, как упал, лишившись ноги, один из солдат Сүдзакү. Данте сразу же понял, что причина ранения — не выстрел, а заглубленная мина. Нагая, раненый продолжал судорожно стрелять, и три выстрела попали в шею и грудь второго телохранителя, который рухнул следом.

В туннеле раздался новый взрыв, вызвавший обвал на западной стороне туннеля. Каскад огромных валунов обрушился

прямо на то место, где укрывались Офион и Приям. Воздух наполнился каменной крошкой, но даже сквозь эту завесу

Данте разглядел, что Офион успел откатиться в сторону, а вот Приям оказался в ловушке под многотонным завалом, так

что свободными остались только голова, плечи и рука. Ярость Данте превратилась в бешенство.

Он бросился прямо в пещеру, но не сделал и

шести шагов, как что-то с
сокрушительной силой врезалось в него и
сбило с

ног. Он покатился по земле, а воздух над
ним взорвался раскаленной вспышкой.

-- Мелта-заряд, -- прохрипел сержант.

-- Я же предупреждал, никаких личных
геройств. -- Селен скатился с Данте,
поднялся на колени и навел пистолет на
вход в

пещеру. Апотекарий разрядил всю обойму
и перезарядил оружие, не теряя при этом
цель.

Вставая с земли, Данте понимал, что
только что чудом избежал смерти.

-- Спасибо, Селен.

-- Не стоит благодарности. Просто убей
его, а то мне нужно вернуться к брату
Приямү.

-- Так иди, -- приказал Данте. -- Я сам с
ним разберусь.

Селен побежал к завалү, а Данте двинулся
вперед, держа на прицеле темный зев
пещеры. Из-за жары невозможно было

различить, что именно находится
внутри, но сержант уже не думал о
взвешенных тактических вариантах. Его
ярость

превратилась в горящий клинок, пламя
которого могла погасить только кровь
врага.

Инквизитор Сүдзакү и ее оставшийся
телохранитель добрались до стены
туннеля одновременно с Данте, и он
увидел ту же

ярость в ее удивительно прозрачных
глазах.

-- Он мой.

-- Так точно, -- ответила Сүдзакү.

Пригнувшись, Данте ворвался в пещеру,
поводя пистолетом из стороны в сторону в
поисках врага. Внутри была

абсолютная тьма, но без помех,
вызываемых жарой в туннеле, его зрение
быстро восстановилось. Он за что-то
запнулся:

потрепанный мелтаган, украшенный
звездой Архиврага, от стреляющего

механизма тянутся медные проводящие
Данте
растоптал оружие и спешно двинулся
дальше.
Судзакү и ее телохранитель шли за
сержантом, который с трудом сдерживал
ярость, грозившую затуманить его
рассудок.

Все взрывы на подступах к пещере были
вызваны минами-ловушками нажимного
действия, которые сработали одна за
другой, и вероятно, что такие же ловушки
будут внутри. Данте сбавил шаг и сменил
спектр видения на визорном дисплее.

Вот оно: невидимое лазерное ограждение
по всей ширине пещеры.

-- Два метра впереди. Лазерная растяжка
в невидимом спектре.

Судзакү просигналила, что поняла, и они
перешагнули через спусковой механизм, не
задев его. Дальше пещера сужалась,
и Данте, понимая, что это место
идеально подходит для очередной засады
или ловушки, выдохнул, чтобы

успокоиться.

-- Еще есть? -- спросила Сүдзакү.

-- Нет, все чисто. Удите за мной, держитесь ближе и скажите, если заметите другие ловушки.

Узкий извилистый коридор вывел Данте в округлой формы зал, со сводов которого падали мутно-белые капли водного конденсата. Прямо впереди, спиной к нему, стоял на коленях человек в помятом доспехе цвета вороненого железа с черно-желтыми шевронами. Он склонился над каким-то устройством, которое тизало желтыми огоньками и издавало тихое гудение.

Не тратя время на слова, Данте три раза выстрелил противнику в затылок. Все выстрелы попали в цель, и Железный Воин рүхнул вперед. Шлем, сорванный с его головы, превратился в дымящийся кусок искореженного металла.

-- Рассредоточиться, -- скотандовал Данте и направился к упавшему врагу, по-прежнему держа его на прицеле.

Вид мозгового вещества вперемешку с обломками костей, забрызгавшего стену, наполнил Данте спокойствием праведника.

Враг, без сомнения, мертв.

Довольно хмыкнув, сержант ногой перевернул труп на спину. Хотя голова воина была ужасно изуродована разрывными

болтерными снарядами и от затылка ничего не осталось, лицо относительно не пострадало.

— Выражение лиц их свидетельствует против них, — констатировал Данте.

Железный Воин был уродлив до отвращения: сплошные шрамы и синяки, как будто его методично избил дредноут.

Запавшие черные глаза, мертвенно-бледное оплывшее лицо, на голове расстрепанный ирокез.

— Все кончено, — сказал Данте, возвращая пистолет в кобур.

Судзакү встала на колени рядом с трупом. Данте заметил испуг на ее лице и в то же мгновение понял, что не так с этим

Железным Воином.

-- Этот человек уже несколько месяцев как мертв, -- сказала Сүдзакү.

Опустившись на землю рядом с ней, Данте приподнял голову убитого воина и почувствовал, как двигаются кости под обтянутой восковой плотью.

-- У него сломана шея. Во имя Жиллимана, что тут происходит?

-- Не может быть, -- проговорила Сүдзакү. -- Это же обманка.

-- Что-что?

Выпрямившись, Сүдзакү нервно зашагала по пещере.

-- Классический отвлекающий маневр. Он показал нам одну часть картины, а остальное мы додумали сами. Когда стало известно, что одна жертва осталась в живых, мне сразу следовало обо всем догадаться. Он подсунул нам Келлана как наживку, и мы ее проглотили.

-- Как наживку? О чем вы говорите? -- воскликнул Данте. -- Нам нужно защитить Арес Пирос.

-- Разве вы еще не поняли? -- возразила Сүзакү. -- Арес Пирос ничто не угрожает. Одинокий воин никак не сможет пробраться на столь хорошо охраняемый объект, мы ведь сами это сказали. Проклятье, я ведь знала, что слишком глупо

все сходится! Он рассыпал передо мной столько хлебных крошек, что я решила, что это проторенная дорога. Нападение в Неласгии Тета-66 было первой приманкой, потом эта угроза, о которой он практически прямым текстом сказал Келлану, и

наконец такой своевременный взрыв на подстанции. Каждая деталь спланирована так, чтобы привести меня сюда.

-- Но зачем? -- удивился Данте. -- Зачем так стараться и в итоге не атаковать Арес Пирос?

-- Арес Пирос ему не нужен. Он хотел, чтобы мы напрасно потратили время и силы, ища его здесь.

-- А что тогда нужно Железному Воину,

застрелявшему на Калте?

Ответ на это вопрос возник мгновенно.

-- Он хочет как-то выбраться с планеты, -- сказала Сүдзакү.

...

Лерато болезненно закашлялся и не попробовал ползти по холодному полу ангара. При движении в плече терлись друг о

друга обломки костей, правая рука бесполезно повисла, шея была мокрой от крови. Целзар мертва: кто-то разбил ее красивое лицо ударом кулака. Внезапная атака вызвала панику, и в те несколько секунд неразберихи погиб Лерози. Что случилось с Джасеном, сержант не знал. Наверняка тоже что-то плохое.

Они только-только заехали в ангар; до этого были стандартные проверки у городских ворот, после чего они прошли кодированные катехизисные протоколы и получили разрешение проехать в технический парк, временно размещенный у

края посадочных платформ. Именно здесь в укрепленных укрытиях стояли машины полка.

Лута остановил «Азуритовый кулак», довольный тем, что в пути машина не обзавелась новыми сколами или вмятинами.

Все собрались у кормы танка, разминаясь после поездки и проверяя оружие. Место стоянки «Света Калта» было у края технического парка, в тени ремонтного портала, обвешенного искрящими кабелями, где мастера-такелажники вели работы

по переоснащению поврежденных кораблей. Они ждали Лорца, но тот все не показывался, и тогда Лерато решил потопоронить его и пошел к «Хитере», двигатель

которой еще работал на холостом ходу. Машина стояла у стены, и когда Лерато обошел ее сбоку, то увидел, что правый топливный бак открыт. Крышка покачивалась, роняя капли вязкого

топлива, а сбоку от нее виднелся влажный
отпечаток

огромной руки.

Из этого бака кто-то только что
выбрался.

Но кто мог так долго находиться внутри
и при этом не задохнуться в ядовитых
топливных испарениях?

Едва Лерато задал себе этот вопрос, как
ответ уже стоял перед ним.

Гигант, появившийся из-за бака, был
облачен в доспех из чистого металла,
блестящего от остатков топлива. Одна
рука,

сжатая в кулак, была измазана кровью,
вторая блестела, как серебристое зеркало.

Бледно-синий аугментический глаз

пристально изучал Лерато; в
широкоскулом лице гиганта раньше была
жестокость и красота, но теперь осталась
только

жестокость.

Калтский зверь...

-- Спасибо, что подвезли, -- заговорил

Железный Воин. -- Не скажу, что путешествовал с удобствами, но до цели я добрался.

Лерато бросился бежать, но сокрушительный удар швырнул его на землю, и плечо пронзила боль. При падении он

ударился лицом о гладкий рокрит пола, так что треснула скула. Под «Химерой» сержант увидел Лорца: у него была раздавлена грудная клетка, и он судорожно хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Нужно было предупредить остальных, но Лерато не мог пошевелить правой рукой. Он перекатился на бок как раз вовремя, чтобы увидеть гибель Ёлзар, Луты и Лерози -- гигант забил их на смерть без тени жалости. Джасен, скорее всего, тоже мертв. Не стоило и надеяться, что юноше удалось убежать.

Все случилось настолько быстро, что другие, наверно, даже не слышали шума. Лерато понимал, что в Нагорск Железного

Воина могла привести только одна причина: он надеялся избежать возмездия, которое заслужил своим существованием.

Нужно ему помешать -- или хотя бы предупредить других, что в их дом пробрался змей. Лорц был вокс-оператором отряда,

и передатчик стоял в кабине водителя на «Свете Калта». Лерато пополз к боковой двери, из последних сил стараясь

двигаться быстрее: он слышал приближающийся звук тяжелых шагов, чувствовал резкий химический запах топлива.

Бронированный ботинок опустился на его лодыжку и без малейших усилий раздробил кости.

-- Пстой-ка, -- сказал зверь и наклонился, чтобы перевернуть Лерато на спину. -- Они скоро найдут тебя, мертвый, но мне нужно еще немного, чтобы успеть подняться на один из этих кораблей.

-- У тебя ничего не выйдет, -- процедил

Лерато сквозь стиснутые зубы. Боль была такой сильной, что кружилась голова и мутнело в глазах. -- Они найдут тебя и убьют.

Зверь улыбнулся; Лерато в жизни не видел более гадкого зрелища.

-- Знал бы ты, сколько раз мне это говорили за последние полгода.

Лерато харкнул кровью в лицо чудовищу, но вместо ярости увидел лишь трагическое веселье и абсолютную самоуверенность.

Зверь вытер кровь серебряной рукой, блестящая поверхность которой напояла изменчивую ртуть, сдерживаемую

стеклом. Кровь мгновенно исчезла, словно металл впитал ее как губка.

-- Добраться сюда оказалось до скучного просто, -- продолжал зверь. -- Чтобы найти слабое место, я лишь наблюдал за

всей этой вашей казенщиной. Потом показал вам то, что вы хотели увидеть, и вы как послушные марионетки шли все дальше и дальше -- очень далеко отсюда.

Кто бы мог подумать, что Кагарас Грендель наконец хоть на что-то сгодится?

-- Мы победили тебя, -- огрызнулся Лерато.

-- И победим любого, кому хватит глупости напасть на Ультратар.

-- Возможно, ты и твои большие синие друзья победили сброд М'Кара, -- ответил монстр, по-свойски кивнув сержанту, -- но однажды появится кто-то, кто объяснит вам, как вредно рабски следовать догматам Жиллимана.

-- Кто ты такой? -- пробормотал Лерато, жизнь покидала его.

-- Я зверь, -- сказал Железный Воин. -- Но ты можешь звать меня Хонсю

...